

И.Р. Атнагулов

Магнитогорский государственный университет
 пр. Ленина, 114, г. Магнитогорск, 455038, Россия
 E-mail: history@masu.ru

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ВЕРХНЕУРАЛЬСКИХ НАГАЙБАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Южное Зауралье в силу своего географического расположения на протяжении многих столетий было пограничной территорией между башкирскими и казахскими владениями. До прихода русских постоянных населенных пунктов здесь не было. В теплое время года вплоть до левого берега Урала кочевали казахи; по правую сторону реки – башкиры. Поскольку отношения между ними были напряженными, то жить здесь было небезопасно. Обычно башкиры и казахи предпочитали устраивать места своих постоянных дислокаций (зимовок) подальше от пограничной территории, совершая время от времени грабительские рейды в глубь владений соседей.

Эта область являлась границей не только в этнополитическом смысле, но и в природно-географическом. По восточной стороне Уральского хребта идет линия водораздела, здесь же начинается аридная зона с малоснежными, с частыми ветрами зимами и довольно жарким летом. В степном Зауралье осадков в среднем за год выпадает на 100–300 мм меньше, чем в горной области и Приуралье.

С 1842 г. в Южном Зауралье возникает т.н. Новая линия казачьих поселений. Помимо русских казаков сюда были переселены нагайбаки и калмыки Ставропольского казачьего войска. Последние были расселены дисперсно, утратили этническую самобытность, и большинство ассимилировалось среди нагайбаков и русских.

Этногенез нагайбаков до 1842 г. проходил в рамках становления этноса волго-уральских татар, а точнее, субэтноса крещеных татар (кряшен). Этнической территорией нагайбаков в этот период было Восточ-

ное Закамье. Наиболее близка к нагайбакам бакалинская группа кряшен, и поныне проживающая в Западной Башкирии. Уже к середине XVIII в. нагайбаки выделились на фоне различных групп крещеных татар по сословному признаку. Дальнейшая географическая изоляция от материнского этноса способствовала усилению корпоративного самосознания, что привело к появлению самостоятельной этносословной единицы. В настоящее время этническое самосознание нагайбаков, по данным наших полевых исследований, носит вполне выраженный характер. Согласно “Основам законодательства Российской Федерации о правовом статусе коренных малочисленных народов” от 18.06.93, нагайбакам придан статус коренного малочисленного народа. В графе о национальной принадлежности советского паспорта им было разрешено вместо слова “татарин” записывать исторически сложившийся этноним “нагайбак”. Среди нагайбаков отмечается заметное дистанцирование от татар-мусульман.

Во второй половине XIX в. большинство нагайбакских поселений вошло в состав Верхнеуральского уезда (рис. 1). Все они типологически относятся к категории сельских [Алаев, 1977, с. 83–84], основой выделения которых служит сельскохозяйственное производство [Арутюнов, 1989, с. 111]. Главным обеспечивающим видом хозяйствования нагайбаков было пашенное земледелие. Однако, в отличие от крестьян, они состояли в Оренбургском казачьем войске, т.е. находились на государственной службе. Это наложило отпечаток на некоторые особенности нагайбакских поселений.

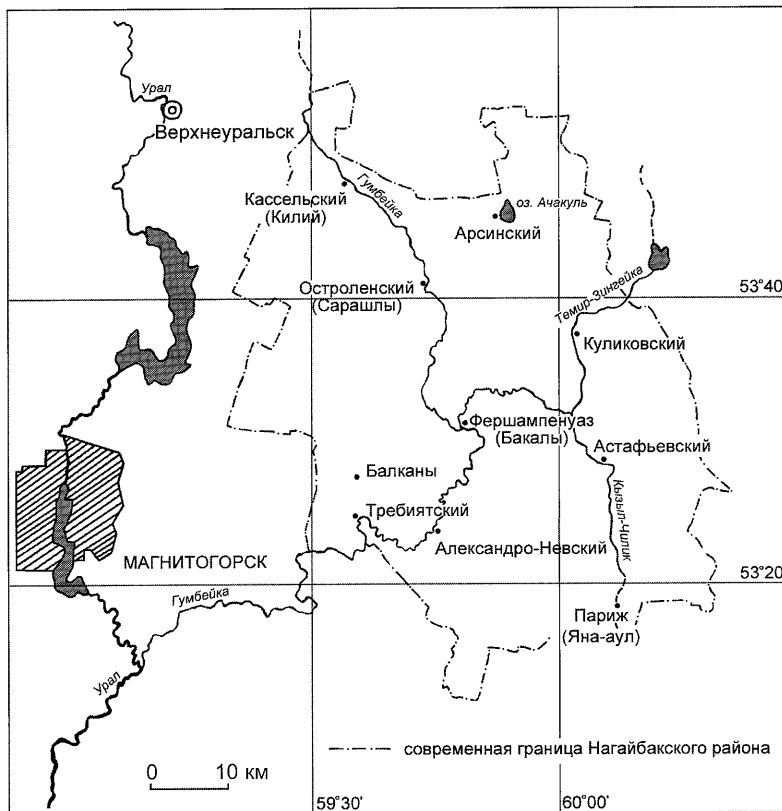

Рис. 1. Расположение поселений верхнеуральских нагайбаков.

Первоначально все станции и крепости Новой линии имели номера, а не названия, например, нагайбакские поселения № 1, 2, 3, 4 и 8. Вместе с тем нагайбаки, переселившиеся сюда из Белебеевского уезда Уфимской губернии целыми деревнями и селившиеся на новом месте в основном тем же составом, параллельно с номерами использовали названия своих прежних селений. Жители пос. № 1 называли его Килий, № 2 – Сарашлы, № 3 – Бакалы, № 4 – Яна-аул, № 5 – Нугайбек. Вскоре по предложению генерал-губернатора П.П. Сухтелена станции получили новые официальные наименования: пос. № 1 – Кассель, в честь взятия Касселя (Германия) русскими войсками 19 сентября 1813 г.; пос. № 2 – Остроленка, в связи с подавлением восстания поляков в 1831 г. под Остроленкой севернее Варшавы; пос. № 3 – Фершампенуаз, в честь победы над Наполеоном 13 марта 1814 г. в г. Фер-Шампенуаз (Франция); пос. № 4 – Париж, в честь окончательной победы над Наполеоном; пос. № 8 – Требия, в память о русско-австрийском походе 1799 г. под командованием А.В. Суворова против французов у берегов р. Треббия (Северная Италия).

Населенные пункты нагайбаков с момента возникновения имели характер укрепленных поселений (крепостей). Беспокойное пограничье между казаками и башкирами вынуждало казаков все элементы

своих поселений располагать максимально компактно. Поэтому в нагайбакских поселениях все хозяйственные и административные сооружения составляли единое целое с жилой зоной.

Во всех крепостях было по одной деревянной церкви (разобраны в советский период). В Остроленке и Фершампенуазе имелись начальные церковно-приходские школы с раздельным обучением для мальчиков и девочек, а также дом старосты с канцелярией и караульным помещением для временного содержания заключенных, а в Фершампенуазе еще и пожарная часть с каланчой. Во всех населенных пунктах были магазины и провиантские склады. Между селениями осуществлялась почтовая связь, но отдельное помещение для почты отсутствовало. Все сооружения были одноэтажными, и абсолютное большинство выполнено в срубной технике. Лишь некоторые из общественных зданий (магазины) строились с использованием камня и кирпича и устанавливались, как правило, в центре населенного пункта.

Как видно из материалов переписи рубежа веков, поселки нагайбаков не отличались большой численностью населения, самыми крупными были Париж и Фершампенуаз – ок. 1,5 тыс. чел. Отдельные поселения других групп татар насчитывали до 4 тыс. чел. [Воробьев, 1967, с. 86].

Поселения верхнеуральских нагайбаков на рубеже веков входили в состав Второго военного отдела Оренбургского казачьего войска. Отдел делился на станичные юрты, именованные по центральным селениям – станицам. Остальные казачьи селения назывались поселками, мелкие – хуторами. В Верхнеуральский станичный юрт входили поселки Кассель и Остроленка, в Великопетровский – Париж, в Магнитный – Требия, в Березиновский – Фершампенуаз.

С самого начала строительства поселков они планировались типично, в соответствии со всеми остальными новопоселенными казачьими поселениями. Эти новые поселки отличались регулярной застройкой. Поселения казаков-нагайбаков были приречными с правильной улично-квартальной планировкой (рис. 2). Приречный тип поселков сложился в основном в силу острой нехватки водных ресурсов в районе. Значительную роль в хозяйственной деятельности нагайбаков играло скотоводство, и необходимо было иметь водопой для скота.

Главные магистральные улицы поселений располагались параллельно течению реки и через равные промежутки пересекались прямыми переулками, более узкими, но достаточными для передвижения на транспорте. Пересечение улиц и переулков образовывало прямоугольные кварталы. Все жилые и общественные сооружения фасадной частью выходили на улицу. В большинстве поселков до 1920–1930-х гг. названий улиц не было. Исключение составляли Фершампенуаз и Париж, где улицы имели названия, чаще всего отражавшие их расположение по отношению к водоему, или именовались по общественным сооружениям на этих улицах. Названия переулков связывались либо с фамилиями или прозвищами родственных групп, проживавших на данной территории, либо с общественным объектом, находившимся в непосредственной близости от переулка (например, церковь). Кроме того, населенные пункты могли делиться на “концы”, которые, как и сами поселения, имели неофициальные названия, сохраняющиеся в обиходе старшего поколения поныне. Как и большинство волго-уральских татар, нагайбаки свои поселения называли аулами. При этом параллельно с официальными наименованиями употреблялись и нагайбакские.

Большинство поселений нагайбаков находилось в стороне от больших трактовых дорог. Наиболее выгодное положение имели Кассель и Остроленка, ближе всего расположенные к Верхнеуральску. Близость к административному центру обеспечивала удобства в торговле и развитии отходничества.

Основной единицей застройки в XIX – начале XX в. в поселениях верхнеуральских нагайбаков являлась усадьба с жилым домом и хозяйственными постройками. Центральное место занимало жилище. Какой-либо строгой ориентации по сторонам света у нагайбаков, в отличие от других групп волго-уральских татар, не было.

Первые дома были чаще всего однокамерными с пристроенными к ним легкими некапитальными сенями. Стены домов складывали из лиственницы, сосны и березы. Наиболее предпочтительным материалом была лиственница, ввиду ее устойчивости к гниению, прочности, долговечности. В нагайбакских поселках до сих пор сохранились отдельные строения из лиственницы, датируемые не позднее 1860-х гг. Однако большинство домов Южного Зауралья,

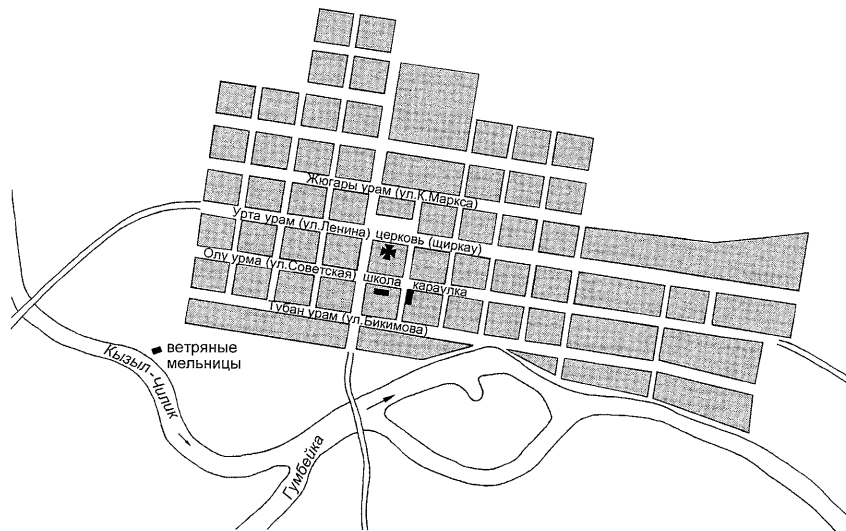

Рис. 2. Схема пос. Фершампенуаз.

построенных во второй половине XIX в., были сосновые. Кроме того, при сооружении жилища использовали обожженный кирпич для кладки печей, мох и паклю для прокладки между бревнами, дикий камень под фундамент. Строительный материал приобретался у башкир или у русских лесопромышленников Оренбурга, Орска, Верхнеуральска, Троицка, Челябинска, а также в войсковых борах. Только дикий камень и мох добывались жителями на своих дачах.

В отличие от Восточного Закамья, откуда нагайбаки переселились в 1842 г., Южное Зауралье менее богато лесными массивами. На момент переселения сюда казаков-нагайбаков здесь еще встречались леса с преобладанием сосны и лиственницы. Однако почти все они были вырублены за короткое время первыми поселенцами. О катастрофической ситуации в Оренбургском крае, связанной с неумеренной вырубкой лесов, писал еще П.И. Рычков [1999, с. 176–177], а И.И. Лепёхин не раз подчеркивал, что в городах необходимо строить больше каменных сооружений. “Затверделое обыкновение строить деревянные дома, – писал он в 1768 г., – не может приучить наших граждан к каменному строению” [1795, с. 71]. Такое положение существовало повсюду, хотя во многих местах Южного Урала залегало большое количество добротного плитняка – прекрасной горной породы, пригодной для строительства. Строения из плитняка обходились бы населению дешевле, чем из дерева, а в случае пожара были бы более устойчивыми. Это стало осознаваться лишь к концу XIX в., когда предпочтение в сооружении построек, особенно надворных, стало отдаваться плитняку и сырцовому кирпичу.

В начале XX в. кирпич использовался более широко, в частности, из него возводились нежилые капитальные строения – административные здания, магазины, склады. Наибольшее количество кирпичных построек появилось в селениях, находившихся на малом расстоянии от городов, откуда привозили кирпич для капитальных сооружений.

Кирпич для домашних печей производился на местах, а временное жилье, летние кухни, бани и другие хозяйственные постройки сооружались из самана. Его изготавливали из глины с примесью мелко нарубленной соломы. Саманные кирпичи готовились вблизи какого-нибудь водоема – колодца, пруда, ручья или речки. Замес из глины и соломы укладывали в специальные формы различных размеров. Такие кирпичи сохли в течение нескольких дней, потом их ставили в пирамиду для проветривания. Высушенные на воздухе кирпичи обжигу не подвергались.

Нагайбакские селения располагались в непосредственной близости от поселков русских казаков. Последние, обосновавшись в степном Зауралье раньше, уже имели навыки саманного, монолитного и каркасно-столбового строительства. Поэтому подобного рода приемы сооружения жилища нагайбакам были известны. Однако срубный дом в середине XIX в., несмотря на определенные трудности с добычей и доставкой материала, все же оставался предпочтительным. Это можно объяснить тем, что казаки-нагайбаки, проживая в богатом лесом Восточном Закамье, имели навыки исключительно в срубной технике возведения жилищ. Ю.Г. Мухаметшин отмечает наибольшее ее развитие среди татар Поволжья и Приуралья у кряшен Башкортостана и бакалинских, из числа которых в прошлом и выделились нагайбаки [Нагайбаки..., 1995, с. 30–31]. Кроме того, всем казакам-переселенцам в 1842 г. выдавалось от 50 до 75 стволов строевого леса.

Поскольку лес был дорог, то строительство из качественной древесины (лиственницы или сосны) могли себе позволить только зажиточные казаки. При строительстве применяли как цельные бревна, так и полубрус, в зависимости от диаметра бревен. В пос. Остроленка информатор Н.П. Васильев сказал, что дома из полубруса строили не из экономических соображений, а скорее для того, чтобы легче было выравнивать внутренние стены домов при стесывании.

Приверженность нагайбаков к срубным избам проявлялась еще и в том, что даже малоимущие казаки строили такие жилища, хотя и из некачественной древесины. Большая часть этих построек обмазывалась и белилась. Береза не пользовалась спросом ввиду отсутствия таких важных качеств, как устойчивость к влаге, нетеплопроводность и др. Ю.Г. Мухаметшин, анализируя жилища нагайбаков и их соседей во второй половине XIX – начале XX в., отмечает существо-

вание домов, построенных целиком из березы либо с частичным ее использованием, у бакалинских кряшен и допускает бытование подобного рода жилищ у нагайбаков [Там же, с. 31]. По результатам наших полевых исследований, на сегодняшний день ни в одном из пяти нагайбакских селений таких домов нет. Не было получено и каких-либо подтверждений со стороны местных жителей об использовании данного материала в прошлом. Скорее, наоборот, о березе говорилось как о совершенно непригодном для строительства материале. Вероятнее всего, что нагайбаки исследуемых поселков, несмотря на дефицит и дороговизну строевого леса, предпочитали использовать качественный материал.

В конце XIX – начале XX в. в казачьих и крестьянских поселениях Южного Зауралья получают распространение постройки, выполненные в каркасно-столбовой технике. Для строительства использовались тополь, верба, ива и другие породы деревьев, в изобилии произраставшие в поймах рек [Там же]. Однако в исследованных нами поселках подобных сооружений также не сохранилось. По предположениям информаторов, они если и были, то единичные и, скорее всего, являлись хозяйственными постройками.

Во второй половине XIX в. широкое распространение в качестве строительного материала получает камень*. П.И. Рычков, говоря о нехватке древесины в крае, предлагал больше использовать в постройках природный камень, который в изобилии был в здешних местах [1999, с. 176–177].

У верхнеуральских нагайбаков камень шел в основном на хозяйственные постройки, фундаменты жилых строений, изгороди. Добывали его вблизи селений в зимнее время. Камень дробили, складывали кубами для собственных нужд и на продажу. До сегодняшнего дня значительная часть хозяйственных построек нагайбаков сохраняет каменную кладку.

На рубеже XIX–XX вв. каменные и каркасно-столбовые постройки частично вытесняются саманными. Такие жилища строили в основном там, где наиболее остро ощущалась нехватка леса. Поскольку к началу XX в. значительная часть лесных запасов вокруг нагайбакских поселений была уничтожена, то саманные строения приобретали все большее распространение. Саман обычно использовался для хозяйственных построек, реже – для жилых. Наибольшее количество саманных домов было построено в 20–30-х гг. XX в.

Нагайбаки, как правило, строили сами с помощью родственников или соседей под руководством старшего плотника (точно так же они помогали друг другу и в других видах деятельности). После окончания

* ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 13 (Отчет о состоянии Оренбургской губернии за 1850 год). Л. 1–10.

работы всех строителей угощали за счет хозяев. Иногда нанимали плотников из своих или соседних селений. Наиболее состоятельные приглашали мастеров издалека, в основном татар, которые использовали свои традиционные конструктивные каноны, навыки ремесла и т.д. Ю.Г. Мухаметшин пишет, что в пос. Кассель из года в год нанимали как самых умелых мастеров пришлых из-под Белорецка неких Гарифуллу и Султанова. Построенные ими дома, клетки, ворота типологически во многом были сходны с постройками средневожских и приуральских татар [Нагайбаки..., 1995, с. 33].

Возможно, что среди первых строений верхнеуральских нагайбаков значительная часть, если не большинство, были бесфундаментными. На территории исследуемого района до наших дней подобных жилых построек не сохранилось, но в литературе отмечалось, что они были у чебаркульской группы нагайбаков в начале XX в. [Круковский, 1909, с. 266]. Есть свидетельства о существовании бесфундаментных построек на рубеже веков и в среде верхнеуральских нагайбаков*. Отмечается также, что избы на каменных фундаментах и столбах встречались редко и в основном среди построенных недавно, а старые дома были “наземными”. О нагайбакских постройках на рубеже веков сообщается: “...они составляют что-то среднее между русскими и татарскими. Наружность построек, впрочем, похожа на русские”**. По свидетельству Е.А. Бектеевой, дома нагайбаков были “деревянные, незатейливой архитектуры и по наружному виду довольно опрятны” [1902, с. 167].

В начале XX в. бесфундаментные постройки встречались в основном у малообеспеченных казаков. По мнению жителей Остроленки и Фершампенуаза, в их селениях таких домов не знали. Почти все постройки были на высоких (0,4–1,0 м) фундаментах из плитнякового камня. Большие дома (крестовики и др.) возводили на каменных угловых стойках – “стульях”. Зазор между нижним венцом и почвой заполняли камнем или горизонтально уложенными бревнами и заваливали землей. Не исключено, что отдельные срубы устанавливались на бревчатых столбах – сваях. Подобный способ был широко распространен среди казачьего населения всех станиц Второго отдела Оренбургского казачьего войска. Под углы дома и под середину бревен первого венца врывали в землю толстые, особо прочные сваи высотой до 1 м. Для предохранения от гниения их обжигали, мазали желтой глиной или пропитывали смолой. Для зимней избы фундамент делали вровень с землей, чтобы первый венец плотно лежал на почве. Столбы под летним

жилищем возвышались над землей на 50 см и более. Под дощатым полом срубного дома обязательно выкапывали подполье. В жилищах других конструкций с глинобитным полом оно было не всегда. Стенки подполья укрепляли двумя-тремя венцами, иногда обшивали жердями, обкладывали камнем или специально приготовленными пластинами дерна.

Количество венцов в срубке обязательно было четным, обычно 12–14. Средняя толщина бревен достигала 18–20 см. Соединялись они способом “в угол”. Под нижние венцы на углах клали медные монеты.

По описанию Е.А. Бектеевой и П.И. Небольсина со срубом соединялись сени, вход в которые был открытым или снабжался низеньким крытым крыльцом [Бектеева, 1902, с. 167; Небольсин, 1852, с. 11–34]. В горизонтально развитых типах жилищ нередко имелось парадное крыльцо, выходящее на улицу.

В селениях верхнеуральских нагайбаков исследуемого периода двухкамерная изба каркасно-столбовой конструкции хотя и не преобладала, но единично встречалась повсеместно. Подобный тип жилища был широко распространен среди их соседей – чебаркульских нагайбаков, казаков, уральских ногайцев [Нагайбаки..., 1995, с. 38].

Камень и саман широко использовались в строительстве, и не только у нагайбаков, но и у других этнических групп Южного Зауралья. Постройки из этих материалов обходились дешево. Иногда оплачивали лишь труд наемных работников при кладке стен, производстве самана, пиломатериалов. Но в основном все работы члены семьи выполняли сами, поэтому жилища из самана и камня имели и бедняки и середняки. Среди подобного рода построек были не только избы с сенями, но и дома с большим числом жилых камер. Чаще всего их строили без фундамента, стены клали, используя глиняный раствор, оставляя проемы для окон и дверей. Избы из дерна были распространены почти во всех уездах Оренбургской губернии. В изучаемый период такие жилища имели наиболее бедные семьи. Подобного рода избы фиксируются также у различных групп татар юго-востока Пермской и северо-востока Уфимской губерний, у многих тюрко- и угроязычных народов Западной Сибири [Там же].

У большинства тюркоязычных народов с оседло-земледельческим или полукочевым хозяйством, помимо стационарного, иногда используется еще временное, сезонное жилище. Очевидно, что такие постройки являются наиболее архаичными и традиция их сооружения своими корнями уходит в кочевое прошлое. Верхнеуральские нагайбаки строили такие жилища для работников по найму. Это были каркасно-столбовые углубленные и наземные постройки, разнообразные по конструктивному, внешнему облику и организации внутреннего пространства [Там же, с. 39–40].

* ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40 (Рукопись Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии). Л. 73 об. – 74.

** Там же. Л. 96–98.

У верхнеуральских нагайбаков в исследуемый период однокамерные жилые дома встречались уже редко. Эти жилища были отголоском более древних строительных традиций. Различные источники XVIII – начала XIX в. свидетельствуют о более широком распространении таких домов в прошлом. К началу XX в. однокамерные жилища встречались в основном на заимках. Строившаяся там срубная изба снабжалась хлебопечкарной печью, комбинированной с очагом и вмазанным над ним котлом. Такой же печью, или чувалом, нагайбаки оборудовали на заимках варианты однокамерной избышки каркасно-столбовой конструкции со стенами из сплетенных прутьев либо из дерна. Ю.Г. Мухаметшин, основываясь на собственных полевых исследованиях, говорит о всеобщем характере подобных явлений в материальной культуре татар [Там же, с. 39–42].

Во второй половине XIX в. однокамерное жилище уступает место двухчастному – добавляется холодная пристройка. Такой дом становится преобладающим типом жилища, а в начале XX в. наблюдается равное соотношение двух- и трехчастных жилых построек.

В этот же период появляется вариант двухчастного срубного жилища – т.н. круглый дом. В отличие от предшествующего типа (изба + сени), его сруб был больших размеров, внутренними перегородками разделялся на помещения под кухню, горницу, спальню для молодоженов. Постройка имела три-четыре, реже пять окон на фасадной и боковой стенах, прирубные сени и четырехскатную кровлю (рис. 3). Такой дом-пятитенок, связанный с традициями “северного” домостроительства, встречался у татар северных уездов (Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний) Приуралья и Зауралья и во многом был схож с “круглым домом” русских Сибири [Мухаметшин, 1982, с. 88].

В конце XIX в. получает распространение еще одна разновидность жилища. Внешне и в планировке она повторяла “круглый дом”, но возводилась в монолитной технике из самана или камня. У зажиточных казаков в таком жилище отводилось по отдельной комнате на каждого женатого сына [Стариков, 1991, с. 199].

В конце XIX – начале XX в. у верхнеуральских нагайбаков появляются дома-пятитенки и избы с прирубом (рис. 4–6). В отличие от других групп волгоуральских татар, у нагайбаков они были чаще всего без сеней.

Трехчастная изба (изба + сени + изба) строилась в срубной или саманной технике. Она была распространена у различных слоев населения – от бедных до богатых [Нагайбаки..., 1995, с. 44]. Различие между социальными группами заключалось лишь в качестве материала, техническом исполнении и размерах жилища [Там же]. По своим внешним, конст-

руктивным признакам, внутреннему устройству, трехчастный дом совпадал с жилищем этого же типа татар Среднего Поволжья, Приуралья и Зауралья [Мухаметшин, 1982]. Передняя изба в таких домах была чистой горницей, а задняя отводилась под кухню.

Все постройки верхнеуральских нагайбаков исследуемого периода представляют собой одноэтажные сооружения. В общем архитектурном облике селений вертикальными доминантами являлись церкви. Первое двухэтажное здание было построено в пос. Фершампенуаз в 1928 г.

В историко-этнографической литературе сельские жилища в плане вертикального развития подразделяются на наземные и с подклетом [Шелегина, 1992, с. 62]. При этом наземные могут быть одноэтажными или двухэтажными, у которых оба этажа жилые или первый является хозяйственным. Дома с подклетом подразумевают наличие небольшого зазора между полом и землей, используемого в качестве подполья для хранения продуктов. Высота подполья может варьировать. Кроме того, в строительной традиции верхнеуральских нагайбаков в прошлом существовал т.н. ямный тип жилища. Исходя из этого можно выделить три основных типа вертикального развития жилища у верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX в.: ямный, наземный одноэтажный, с подклетом. Первый, как наиболее архаичный, весьма редко использовался даже в начале расселения, ямные жилища строили на заимках либо на усадьбах в качестве временного жилья до постройки избы. Наземные бесфундаментные жилища довольно быстро перестали строить, поэтому во второй половине XIX в. основным видом был дом с подклетом. Подполье выкапывалось по всей площади жилого помещения или частично и могло быть как низким, так и высоким.

Крыши построек встречались одно-, двух- и четырехскатные. Первые были только у хозяйственных построек. Подавляющее большинство крыш делалось двухскатными. Наибольшее количество четырехскатных крыш имелось в Остроленке и Фершампенуазе, где было немало горизонтально развитых домов. Население Остроленки в среднем являлось наиболее зажиточным по сравнению с другими. Здесь же проживало большое количество казачьих офицерских чинов.

Типологические параметры рассмотренных жилищ в целом соответствуют строительной культуре татар волго-уральского региона и их соседей [Мухаметшин, 1990]. В результате наших полевых исследований выяснилось, что подавляющее большинство жилищного фонда, построенного в изучаемый период, представляло собой срубные постройки. Согласно сообщениям информаторов из посел-

Рис. 3. Двухчастная изба (“круглый дом”). Пос. Париж.

Рис. 4. Дом-пятистенок. Пос. Фершампенуаз.

ков Остроленка, Фершампенуаз и Париж, значительная часть населения отдавала предпочтение срубным избам из сосны или лиственницы. Изредка строили дома в саманной технике, о каркасно-столбовых жилищах воспоминаний не сохранилось. В настоящее время подобного рода постройки – это клетки, амбары. Большинство же хозяйственных строений выполнено из природного камня.

Декоративное убранство нагайбакских жилых построек в целом отличалось сдержанностью, исключительным чувством меры. Внешняя отделка домов выглядела несколько аскетичнее и строже, по сравнению с жилищами татар-мусульман. Абсолютно отсутствовала полихромная раскраска стен, характерная для других групп казанских татар. Цвет, в основном голубой (иногда еще белый или желтый), использовался для окраски наличников. Если дом имел наружное крыльцо или палисадник, то они также окрашивались в голубой цвет. Следует отметить, что подобного рода окраска широко распространена во всех казачьих поселениях Южного Зауралья. Возможно, привычка к синему или голубому цвету связана с принадлежностью к Оренбургскому казачьему войску.

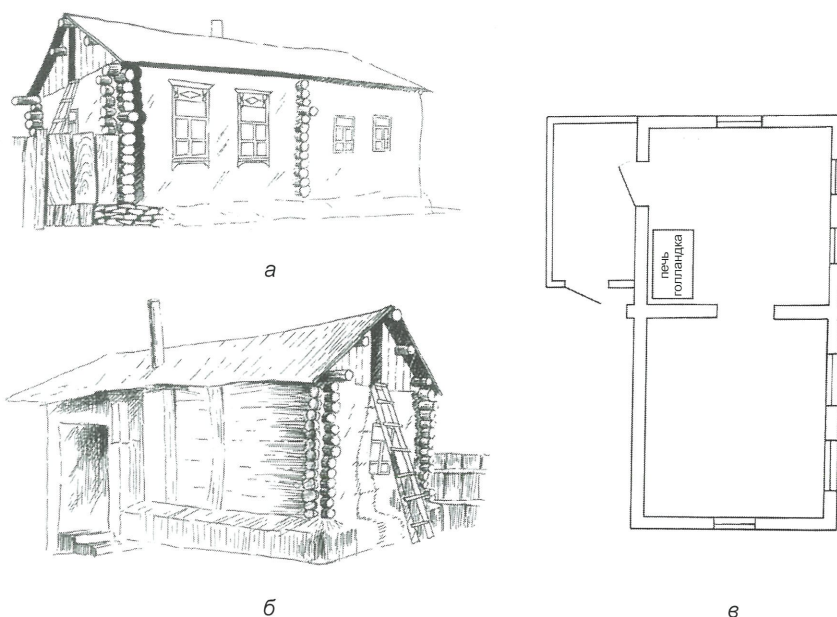

Рис. 5. Двухчастный дом. Пос. Фершампенуаз.
а – фасад, б – вид со двора, в – план.

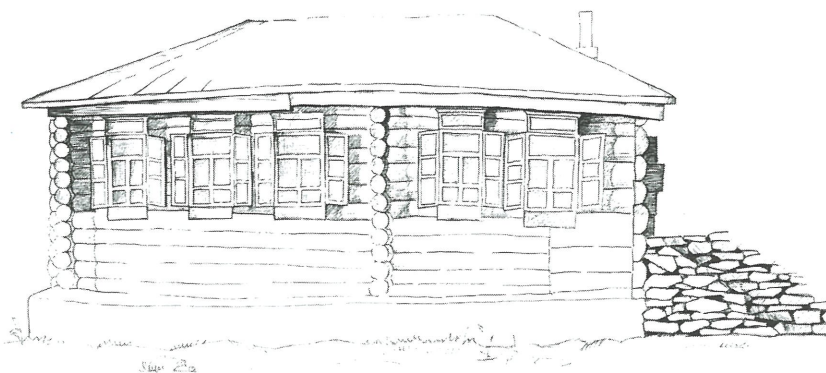

Рис. 6. Двухкамерная изба. Пос. Фершампенуаз.

Наличники были в основном на фасадных окнах, а у отдельных больших пятистенков, крестовиков – с нескольких сторон. Маленькие четырехстенные дома их вовсе не имели. Наиболее ранние постройки без наличников отличались глухой обшивкой тимпана фронтона в одной плоскости со стеной, отсутствием карнизов, козырьков, причелин.

Верхняя часть наличника у нагайбаков оформлялась горизонтальной дощечкой (ее верхний край был прямым или в форме угла), поддерживаемой фигурными кронштейнами или другими декоративными элементами. На ней вырезались разнообразные фигуры: лучи, розетки, волюты, ромбы и др. (рис. 7). Подоконная часть оформлялась преимущественно геометрическими фигурами. Наличники украшались резьбой двух видов: глухой (долотной) с неглубокой выемкой контура рисунка и пропиленной. Из них первый наименее распространенный и, видимо, более ранний. Основные мотивы в резьбе – солярные, растительные, геометрические. Зооморфных не наблюдалось. В отдельных случаях резные украшения использовались в оформлении усадебных ворот. В отделке домов богатых казаков встречались кованые металлические элементы, например завитки, поддерживающие навес над крыльцом.

В первом десятилетии XX в. среди нагайбаков получила распространение побелка срубных изб снаружи. Не только ветхие, но и дома, построенные из добротной древесины, были заботливо обмазаны глиной и сияли белизной извести. Белили как полностью сруб, так и отдельные его части (каменный фундамент, пазы стен, промазанные глиной). В редких случаях снаружи срубы обшивали горизонтальными досками.

В одно- и двухкамерных или двухчастных избах (пятистенков или изба + сени) казаков-нагайбаков в исследуемый период сохранялось традиционное убранство. В интерьерах горизонтально развитых домов, в которых проживала зажиточная часть населения, присутствовало немало элементов городской культуры: мебель, посуда и т.д.

Жилая часть постройки типа изба + сени одновременно являлась и кухней. Согласно принятой классификации, планировка жилища верхнеуральских нагайбаков относилась к северосреднерусскому типу: печь справа или слева от входа, устьем к противоположной относительно двери стене [Станюкович, 1970, с. 65]. Подобная планировка, в принципе, была у всех групп волго-уральских татар.

Хлебопекарная печь занимала значительную часть помещения и выкладывалась из кирпичей. Так же как и у большинства татар Поволжья и Приуралья, она представляла собой русскую печь южного подтипа, сближающуюся по основным параметрам с печами казанских и касимовских татар [Шарифуллина, 1991, с. 60]. В отличие от русской печи, она имела выступ, куда вмазывался чугунный котел, что указывает на безусловную связь с кочевым прошлым и культурой казанских татар. Перейдя на оседлость, предки нагайбаков и казанских татар продолжали по привычке готовить пищу в котле. В каждом дворе имелись и летние печи, где также готовили еду в котлах. Сейчас они есть не везде и используются для приготовления корма скоту. У верхнеуральских нагайбаков сохранился обычай готовить ритуальную пищу (в основном поминальную) в больших котлах во дворе.

Нагайбакское жилище отапливалось исключительно “по-белому”. О наличии курных изб с момента по-

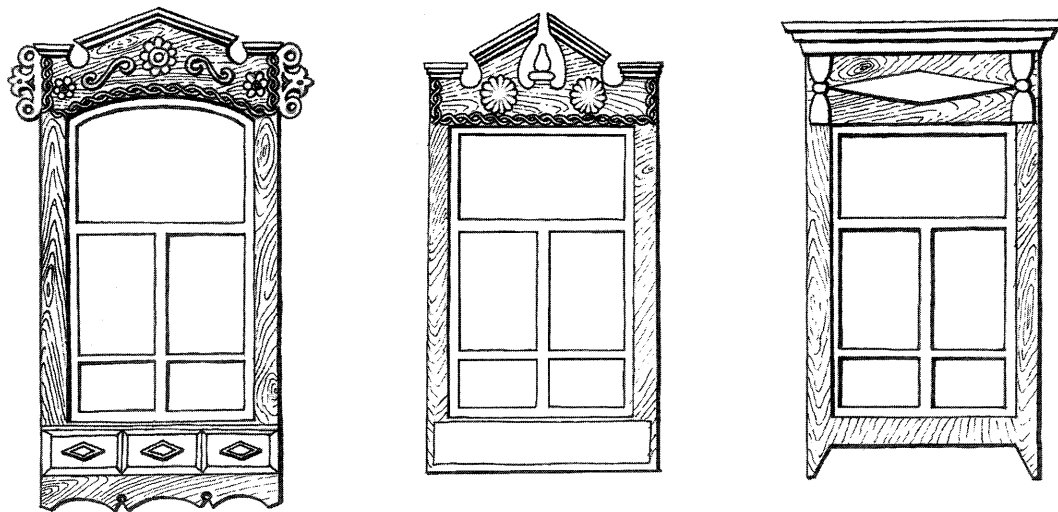

Рис. 7. Образцы декоративного оформления наличников.
Пос. Фершампенуаз.

явления этой группы в Южном Зауралье не имеется никаких свидетельств и воспоминаний. Вместе с тем в некоторых домах встречаются небольшие окошки, расположенные поблизости от дымохода. В далеком прошлом они могли быть отверстиями для дыма, которые впоследствии, утратив свое первоначальное назначение, стали выполнять функцию светового.

Хлебопекарную печь верхнеуральские нагайбаки, подобно другим группам татар, устанавливали на некотором расстоянии от стен. Одни исследователи связывают это с соблюдением противопожарных мер и стремлением увеличить площадь теплоотдачи [Там же, с. 60–61], другие – с традицией кочевников помещать очаг посередине жилища [Мухаметшин, 1977, с. 91]. В литературе отмечалось, что печи посередине жилища встречались и в древнерусских постройках [Спегальский, 1972, с. 63]. Как предполагает Ф.Л. Шарифуллина, подобное их расположение было характерно для определенной стадии развития жилища [1991, с. 60].

Хлебопекарная печь в избе нагайбаков, так же как и у русских, выполняла ряд функций: приготовление хлеба, пищи, обогрев помещения, место сушки продуктов и одежды, хранения кухонной утвари, место отдыха. В противоположном по диагонали от печи углу вывешивалась икона, а под ней по обе стены устраивались деревянные нары, их наличие в жилом помещении соответствует общей традиции волго-уральских татар. В противоположном печи углу у входа находился небольшой загон для молодняка, который содержали в жилище в холодное время года.

Поскольку в большинстве домов мебели было очень мало или она вовсе отсутствовала, то нары заменяли собой стулья, диван и кровать. Рядом с ними в углу стоял стол. В отличие от некоторых других территориальных групп татар, у нагайбаков нары не представляли собой ящика, куда складывали домашнюю утварь и продукты. Их делали в виде горизонтально расположенных продольных досок, жестко прикрепленных к стене.

В каждом жилище над дверью, начиная от печи, устанавливались полати (*сундере*). Этот элемент интерьера был заимствован у русских. У мишарей для его обозначения употребляли термин *пулат*, а у касимовских и казанских татар – *сундри*, *сундрэ*. Наличие самобытного названия полатей, возможно, является отголоском утраченного в их жилище элемента, сходного по форме или назначению [Там же, с. 60–61]. У крымских татар похожий термин *мусандра* обозначал шкафчик, верх которого в определенной степени напоминал полати, в нем хранили фрукты [Куфтин, 1925, с. 10]. У нагайбаков на полатях спали дети или хранились вещи и утварь.

В многокамерных жилищах верхнеуральских нагайбаков, помимо хлебопекарной, имелась печь-голландка. Первая была в кухонной части, вторая – в горнице.

В горизонтально развитых жилищах голландка устанавливалась таким образом, что обогревала сразу несколько комнат. Все печи были глинобитными или кирпичными, снаружи выбеливались известью.

Непременным атрибутом интерьера нагайбакского жилища являлись обитые жостью сундуки различного объема. Как правило, сундук ставили у передней стены рядом с нарами. В нем хранили одежду, полотенца и другие вещи. На сундуках спали, на них же складывали часть постельных принадлежностей.

В случае рождения младенца в горнице появлялась деревянная колыбелька прямоугольной формы, которая подвешивалась на прочном шесте к матице потолка. В начале XX в. начали использовать стальные пружины. Колыбель украшалась вышитыми полотенцами, сверху накидывалось кружевное или тканевое покрывало. В отличие от татар-мусульман, у нагайбаков жилище не разделялось на мужскую и женскую половины.

Сохранилось небольшое, но достаточно яркое описание интерьера нагайбакского жилища, сделанное Е.А. Бектеевой в 1902 г.: “Войдя в кухню, вы увидите в одном углу большую глинобитную русскую печь, сбоку в ней вмазывается чугунный котел (казан), в котором варится ежедневная пища; против печи устраиваются нары (широкие скамейки), заменяющие собой кровать. В летнее время обед готовится во дворе, для чего где-нибудь под навесом устраивается печь с казаном. Вдоль стены кухни тянутся широкие лавки, составляющие вместе со скамьей и столом всю мебель кухни; впрочем, у стены около печи помещается залавок, приделанный к стене, это род стола, внутри которого сделаны полки, где хранятся съестные припасы и посуда. На залавке хозяйка готовит кушанья.

Горница во многом отличается от кухни: на стенах красуются различные картинки, представляющие замечательных бывших и современных военных деятелей, портреты Государя Императора и Императрицы. В углу около двери помещается белая, как снег, голландская печь с карнизами. Если в доме есть сноха, то постель ее со множеством пуховиков и подушек помещается в этой же горнице. Между окон на стене помещается небольшое зеркало, задрапированное вышитым полотенцем. В праздники или когда соберутся гости, горница представляет из себя как бы домашнюю выставку: по стенам развешиваются лучшие полотенца, вышитые черным и красным шелками (вышивки свидетельствуют об изящном вкусе нагайбачек), вывешиваются также лучшие праздничные одежды. Из икон особенно уважаемы Николая Чудотворца, Спасителя и Божьей Матери. Вообще в доме нагайбаков царят чистота и аккуратность, в противоположность другим инородцам, окружающим их” [1902, с. 167].

По свидетельству П.И. Небольсина, бывавшего у верхнеуральских нагайбаков, «если войти к исправно-

му крещеному татарину в дом, то в нем вот что можно заметить. Вход бывает с низенького крылечка, оно ведет в сени. Тут у входа в комнату стоит оловянный кумган и висит полотенце. Сени довольно обширны. В них стена против дверей забрана досками и разделена на несколько, на два или на три, отдельных чуланчиков для хранения домашних мелочей. По обеим другим стенам развешано содержащееся в порядке казачье оружие и конская сбруя и упряжь. Двери из сеней ведут направо в “горницу”, налево в избу. В обеих, против входных дверей, по два окошка во двор, в остальных двух стенах по одному – во двор и на улицу. При входе в горницу, налево в переднем углу развешаны святые образа, под которыми подклеен кусочек бумажных обоев. Около образов – два-три чистых полотенца, под образами стоит стол, покрытый чистою скатертью. По обеим тянущимся отсюда стенам стоят, по русскому обычаю, лавки, покрытые татарскими коврами. На стене против входа, над лавкой висит зеркало, а кругом, на лавках – сундуки разного сорта с украшениями из жести. Во втором, соответственном переднем углу стоит кровать с войлоками, пуховиком, с синей подушкой и с пестрым одеялом. Перед кроватью, на жердочке, развешано разное платье. Близ кровати, в углу, – “лазия”, подвал. В ногах кровати, в заднем углу, одиноко стоит, не присоединяясь к стене, чисто выбеленная голландская печь. Между печью и задней стеной горницы оставляется темненький промежуток, называемый “бульмэ”. Он предназначен для разных разностей и застается занавеской.

В избе, в переднем углу – тоже святые образа, под ними стол, а посередине, по русскому обычаю, – солонка. В противоположном углу – огромная русская печь, кругом избы – татарские нары, сверху – русские полаты...» [1852, с. 284].

Многие наблюдатели, бывавшие у нагайбаков в изучаемый период, отмечали ряд положительных качеств этого народа. Обычно их характеризовали как трудолюбивых, хозяйственных, зажиточных. Видимо, поэтому в нагайбакско-казачьих селах многокамерные, горизонтально развитые постройки решительно преобладали: “...у многих нагайбаков дома даже состоят из нескольких комнат...” *

В начале XX в. капиталистические отношения затронули и нагайбакские села. Развивались промышленное производство масла и сыроварение** . Повы-

шение уровня материального благосостояния и тесные контакты с городом (нагайбаки вывозили свою продукцию в Верхнеуральск и Троицк) обусловили появление в наиболее зажиточных семьях элементов городского быта: кроватей, стульев, зеркал, шкафчиков для хранения посуды, настенных часов, фотографий, репродукций из журналов и др.

Освещали жилища сальными свечами, нередко собственного производства. Впоследствии их заменили керосиновые лампы. Благодаря дешевизне керосина по сравнению с сальными свечами, они получили широкое распространение. Стены, потолок и пол, вероятно, не красились и не белились. Как уже отмечалось, жилища нагайбаков отличались исключительной чистотой. Полы мыли регулярно, при входе в жилое помещение снимали обувь.

Все домашние дела в основном лежали на плечах женщин. Они выполняли почти всю тяжелую физическую работу. Особенно доставалось молодым женам в доме родителей мужа. Сноха могла выполнять физическую работу вплоть до рождения ребенка. Вместе с тем, если женщина рожала не дома, а в поле или у реки, то это осуждалось и считалось позором для мужа*. Мужчины, будучи в составе Оренбургского казачьего войска, подолгу отсутствовали, находясь в командировках, на военных сборах, много времени отнимали полевые сельскохозяйственные работы.

Жилище у нагайбаков занимало важнейшее место в системе жизнеобеспечения. Пережитком кочевого прошлого являлось то, что нагайбаки многие праздники отмечали (включая коллективную трапезу) за пределами села, в поле. Однако в эти же праздничные дни интерьеры жилищ подготавливались соответствующим образом, накрывались столы и приглашались гости. Чисто убранная и на должном уровне подготовленная комната для гостей являлась “визитной карточкой” хозяев. Это говорит о том, что оседло-земледельческий уклад жизни был усвоен нагайбаками сравнительно давно и отношение к стационарному жилищу как к постоянному местобитанию было выражено вполне отчетливо.

Внутренняя планировка и обстановка жилища верхнеуральских нагайбаков в изучаемый период обнаруживали ряд характерных черт, сближающих их одновременно с поволжско-татарской и русской казачьей избой. В соответствии с общетатарской традицией в доме присутствовали нары, печь с вмонтированным в нее котлом. Обилие перин, подушек, подстилок из кошмы характерно как для жилища нагайбаков, так и для других групп татар Поволжья и Приуралья. Связь с культурой русского населения была обусловлена, в первую очередь, принадлежностью к православ-

* ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 96–97. По свидетельству того же автора, в некоторых домах отсутствовали полаты и лавки: “...но внутри... [неразборчиво]... в жилых избах... [неразборчиво]... нет полатей, лавок и полок, а нары...” (Там же).

** Байтеряков Н.В. Было время (копия рукописи). – Библиографический отдел районной библиотеки пос. Фершампенуаз, папка № 7, с. 20–30.

* Там же, с. 5–6.

ному христианству. Это проявлялось в наличии икон в каждом доме. Полати, пристроенные к печи, также были заимствованы у русских. В конце XIX – начале XX в. в повседневный быт нагайбаков начали вливаться элементы русской городской культуры.

Таким образом, поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX в. обнаруживают одновременно и связь с культурой поволжских татар, и отличия от нее. Эти отличия возникли в результате географического, религиозного, сословного и хозяйственного обособления исследуемой группы. Географический фактор повлиял на некоторые особенности конструкций и выбор строительных материалов (карасно-столбовые, монолитные и саманные жилища). Конфессиональная принадлежность обусловила появление в оформлении интерьера икон, репродукций портретов и фотографий. На планировку поселков и внешнее убранство жилища повлияла общая концепция застройки казачьих поселений. Увеличение скотоводческого хозяйства привело к появлению архаичных видов жилища.

Список литературы

- Алаев Э.Б.** Экономико-географическая терминология. – М.: Мысль, 1977. – 199 с.
- Арутюнов С.А.** Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
- Бектеева Е.А.** Нагайбаки (крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. – 1902. – № 2. – С. 165–181.
- Воробьев Н.И.** Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
- Круковский М.А.** Южный Урал: Путевые очерки. – М.: Изд-во К.И. Тихомирова, 1909. – 311 с.
- Куфтин Б.А.** Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова: Материалы и вопросы. – М.: Ассоц. науч.-исслед. ин-тов при I Моск. ун-те, 1925. – 59 с.
- Лепёхин И.И.** Дневные записки. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1795. – Ч. 1. – 540 с.
- Мухаметшин Ю.Г.** Татары-кряшены: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1977. – 184 с.
- Мухаметшин Ю.Г.** Картографирование сельских жилищ татар Среднего Поволжья и Приуралья (конец XIX – начало XX в.) // Новое в археологии и этнографии Татарии. – Казань: ИЯЛИ, 1982. – С. 85–94.
- Мухаметшин Ю.Г.** Общетерриториальные и локальные комплексы усадеб и построек татар Приуральского региона // Приуральские татары. – Казань: ИЯЛИ, 1990. – С. 71–92.
- Нагайбаки:** Комплексное исследование группы крещенных татар-казаков. / Отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: ИЯЛИ, 1995. – 144 с.
- Небольсин П.И.** Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестн. ИРГО. – 1852. – Ч. 1, отд. 5. – С. 1–34, 83–113.
- Рычков П.И.** Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – 309 с.
- Спегальский Ю.П.** Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. – Л.: Наука, 1972. – 275 с.
- Станюкович Т.В.** Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1970. – С. 61–88.
- Стариков Ф.М.** Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. – Оренбург, 1891. – 249 с.
- Шарифуллина Ф.Л.** Касимовские татары. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 126 с.
- Шелегина О.Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 250 с.

Материал поступил в редколлегию 05.01.04 г.

- ААН – Архив Академии наук
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ – Бурятский научный центр СО РАН
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАНИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский Институт языка и литературы
ГАОО – Государственный архив Омской области
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИаА – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЮАО – южный берег Андреевского озера
ERAUL – Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège